

— Если усопший не был крещёным, то можно ли молиться за упокой его души и ставить свечи?

Свящ. Георгий Кочетков: В церкви существует определённый порядок поминовения усопших: исторически церковь всегда приносила свою молитву в первую очередь за членов церкви, за тех, кто по церковной традиции называется верными. Это связано с тем, что чаще всего поминовение в церковном собрании совершалось на литургии — и молитвенное, и кутией, или хлебным приношением. А так как в таинстве евхаристии, в литургии верных участвуют только верные — только верующие православные христиане, те, кто называются полными членами церкви — то и принято поминать в церкви только их. Хотя, конечно же, надо понимать, что ограничение это не абсолютное. Церковь, скорее всего, имела в виду определённые педагогические задачи, когда не позволяла, скажем, молиться за самоубийц или приравненных к ним людей — например, умерших от алкоголизма или передозировки наркотиков, в общем, в явном грехе, тяжком, смертном. Именно для того, чтобы воспитывать народ в противлении этим грехам, церковь говорила, что можно поминать только тех усопших, которые остаются верными Богу, остаются полными членами церкви. Но в личной молитве никто никогда никому не запрещал молиться за того, за кого хочет молиться сердце верующего человека. Это может быть любой усопший, здесь не делается никаких исключений для некрещёных или инаковерующих, еретиков и т.д., в том числе и для самоубийц. Мы обращаемся к милосердию Божьему, к нашему Господу, Который посылает дождь праведным и неправедным, и солнце добрым и злым. И мы надеемся на милосердие Божие, понимая, что нет человека, который жил бы и не согрешил. Конечно, и евхаристическая молитва знала свои исключения, там есть молитва «о всех и за вся». В евхаристической молитве на самом деле принорится жертва хвалы и благодарения, жертва по силе Христовой любви, и поэтому эта молитва универсальна. Она не персональна, не индивидуальна, но в целом предполагает воспоминание обо всех, кто только присутствует в нашей памяти, кто бы это ни был. Если сердце наше хочет о ком-то молиться, то — пусть без упоминания отдельных имён — такая молитва возможна. На евхаристии есть место для молитвы за некрещёных оглашаемых, есть место для молитвы о властях, в том числе языческих или нехристианских, или неправославных, и поэтому может быть молитва и за некрещёных усопших. Но, повторяю, обычно, если человек хочет помолиться за усопшего некрещёного человека, который не был даже оглашаемым, т.е. даже не готовился к крещению, не желал этого крещения сознательно, это лучше всего делать в личной молитве в любом месте, в любое время.

— Если человек является католиком или протестантом, или не крещён, то можно ли молиться за него в православной церкви и ставить свечи за здравие?

О. Георгий: Собственно, я уже начал говорить об этом. Как есть место для молитвы за некрещёных или неправославных усопших, так есть место для молитвы и за живых неправославных и некрещёных людей. Конечно, одно дело — молитва за оглашаемых любой ступени, т.е. за людей, хоть и некрещёных, но имеющих веру в истинного Бога или даже уже во Христа и в Церковь, а другое дело — молитва просто за неверующих или неправославных. На литургии это возможно не персонально, а в целом, потому что евхаристическая молитва — это молитва «о всех и за вся», за всех братьев и сестёр, за всех, кого способно вспомнить, помянуть наше сердце. А в личной молитве может быть и молитва за конкретного человека.

Свеча же — это пожертвование, и такую жертву, связанную с молитвой, всегда можно принести Богу. Так что став-

ДОЛЖНА ЛИ БЫТЬ ПРОПОВЕДЬ НА КАЖДОЙ ЛИТУРГИИ

На вопросы отвечает священник Георгий Кочетков

те свечечку и за здравие, и за упокой любого человека, если это на уровне личной молитвы.

— На мой прошлый вопрос Вы ответили, что Господь прощает грехи, и поэтому нужно не бояться и готовиться к исповеди. Но как мне каяться, если я знаю, что буду продолжать грешить? А я знаю, что не грешить не смогу. Где взять сил, чтобы перестать грешить? Чтобы моё покаяние было честным?

О. Георгий: Замечательный вопрос. Дело в том, что каждый кающийся человек знает, что он после покаяния в чистого ангела сразу не превратится. Если он человек разумный и духовно мудрый, опытный, он хорошо понимает, что покаяние принимается Богом не потому, что мы тут же превращаемся в безгрешных людей, а потому, что мы и жалеем о совершенном нами грехе, и хотим не грешить, и проявляем ту или иную степень решимости не повторять своих грехов, потому что мы просим у Бога прощения и хотим принять дар прощения и исправления. Мы знаем, что есть грехи, которые можно и нужно исправить сразу, а есть вещи, которые сразу исправить никак невозможно — они исправляются в течение всей жизни человека. Конечно, если речь идёт об этических грехах, о конкретных фактах, тут особенно важно понимать, что грехи грехам — рознь. Есть такие грехи, которые тут же выводят человека из рядов Церкви, из Божьего народа. Это смертные грехи — убийство, прелюбодеяние, богохульство и т.д. Но есть грехи, особенно аскетического, мистического плана, которые очень трудно определяются в своих границах и которые очень трудно преодолеваются до самого конца. Поэтому нужно иметь смирение, нужно принимать помощь Божью, нужно стараться не грешить, иметь решимость не повторять своих грехов, но при этом помнить слова Писания и святых отцов «пал — встань»: если ты пал под ударом того или иного искушения, немедленно встань, а не лежи в грязи. И иди дальше, обязательно иди за Христом, иди за Богом со всем смирением, со всем терпением и послушанием Богу и Его святой воле.

— Как отмечать день рождения, особенно если он приходится на время Поста? Цифра 40 — особая дата, время подведения итогов, а как правильно человеку верующему отмечать сорокалетие?

О. Георгий: Это, конечно, вопрос очень личный. Церковь не регламентирует то, как справлять свой день рождения, пусть даже пришедшийся на круглую дату (хотя нужно сказать, что юбилеем по строго церковному, библийскому пониманию может считаться только пятидесятилетний юбилей). Но сорок лет — это действительно замечательный возраст, это период полной зрелости человека, полного расцвета его сил. И встречая его, прежде всего надо не просто подумывать, как обрадовать своих друзей, знакомых или сослуживцев, или тем более родственников, или самого себя, а как достойно возблагодарить Бога за прожитые годы, за все те добрые дары, которые проявились в жизни человека. Так что и правда важно подводить итоги, делать из своей жизни выводы, исправлять её в соответствии с волей Божьей; важно посмотреть, насколько эта духовная жизнь подлинна, целостна, насколько она качественна, насколько она реальна, насколько она способна распространяться на людей, Вас окружающих. Если Вы способны от избытка сердца так говорить о Боге, о вере, о счастье христианской жизни людям, что они будут Вас слушать и слушаться, то значит Вы, действительно,

достигли зрелости и готовы вступить в следующее десятилетие Вашей жизни, т.е. перейти на следующую её ступень.

Если Ваш день рождения попадает на пост, то можно просто отпраздновать его более скромно. Конечно, пост в таком случае ослабляется, но не снимается полностью, за исключением тех случаев, когда, скажем, к Вам в гости приходят люди неверующие. Им пост может быть непонятен. И Вы им можете предложить всё что угодно. А сами Вы можете есть с праздничного стола то, что Вы сочтёте нужным — только постное или что-то ещё, делая какие-то исключения ради праздника, ради любви к Вашим неверующим ближним и близким людям. Тут бывает иногда возможность определённых компромиссов, послаблений, но только надо, конечно, знать во всё меру. Надо не только не упиваться вином, не только не разгуливать, не блуждать и не блудить взглядом или делом, но и всё-таки помнить, что главное — это Ваше доброе слово, слово благодарности Богу и близким, а также ближним, тем, кто играет или играл существенную роль в Вашей жизни. Так что пост — это как раз лучшее время для того, чтобы, проведя такой юбилей или свой день рождения, направить людей, пришедших к Вам по любви и уважению к Вам, на добрый путь веры.

— Я никогда не прошу у Бога о чём-то конкретном — например, если потерял важную бумагу, то не прошу о том, чтобы найти, ишу сам. Просто молюсь с утра, например: Господи, помоги нищему рабу Твоему во всех делах моих. Знаю, что часто, особенно протестанты, молятся именно о конкретных делах до самых мелочей. Можно ли говорить о том, что православно такой, так сказать, мелочный подход не свойствен?

О. Георгий: Я думаю, что можно. На самом деле ведь важно, чтобы мы были с Богом, а Бог был с нами. И молитва об этом — самое главное. Если это будет так, то и бумажки не будут теряться, и вообще в жизни ничего важного никогда не разрушится, не потеряется, не исчезнет. Другое дело, что церковь не запрещает молиться собственной молитвой, простыми своими словами о любой мелочи. Если почему-то вдруг у Вас на сердце есть такой помысел, то он не вредный, он не злой. Только делайте всё во славу Божью. Когда Вы молитесь о том, чтобы Бог помогал Вам во всех Ваших делах, добавляйте, пожалуйста, эти слова: «совершаемых во славу Твою, Господи. Аминь».

— Нигде в Священном Писании я не читаю о мироточении икон или поклонении иконам. Откуда эти явления возникли в православии?

О. Георгий: Есть много разных мелких или больших чудес в жизни христианина. Господь всё время даёт нам знамения Своего присутствия. Он всегда радуется наше сердце. Если это связано так или иначе с иконами, это может быть и мироточение. Важно только, чтобы люди не искали чуда ради чуда, чтобы понимали, что если Бог что-то делает, Он этим даёт знамения Царства Небесного. Поэтому если человек приближается к Царству Небесному, приближается к Богу, если кто-то каётся в результате явления того или иного чуда, то это настоящее чудо. Если нет, то это или фокусничанье, или просто непонятное явление природы, или плод нашего воображения. А если даже и чудо, то чудо в рамках мира сего, мира, лежащего во зле, мира грешного. Так что дело не в том, мироточит икона или не мироточит. Некое благоухание христианами всегда почиталось как знак

Свящ. Георгий Кочетков проповедует после чтения Евангелия на литургии в Новодевичьем монастыре в день 20-летия своей прессвитерской хиротонии (24 сентября 2009 г.)

присутствия Святого Духа, присутствия Божьей благодати. Прочтите хотя бы замечательное, очень простое и доступное для всех описание беседы преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым, где как раз как один из признаков дара Святого Духа называется «необыкновенное благоухание». Если Дух Святой нисходит, то некоторые люди чувствуют это как особый праздник, как особую радость и как особое благоухание. Действительно мир становится другим, он становится красивым, и поэтому благоуханным. Может быть, это нужно понимать более духовно, чем физически, судите сами, смотрите сами. Но это всё-таки так и есть.

Почти всё, что я сказал о мироточивых иконах, можно отнести и к мошам — с той только разницей, что мироточат моши или не мироточат, благоухают они, исцеляют они или нет, это всё связано с нашей верой, это всё связано с явлением благодати Божьей, это всё связано с устремлением сердца человека к Богу и к Его Царству, к укреплению в любви к Богу и ближнему, т.е. с самыми главными ценностями нашей жизни. Если это не так, повторяю, то это может превратиться во что-то сомнительное и неправославное, даже суеверное или языческое, если довести это до предела, до абсурда.

— Должна ли быть проповедь на каждой литургии? Вот я с возрастом стал намного хуже слышать и поэтому хожу в храм только в будни, чтобы подходить к самому алтарю — тогда всё слышу. Но проповеди в эти дни нет, о чём жалею. А она должна быть?

О. Георгий: Спасибо за замечательный вопрос. На самом деле, по церковным канонам каждый раз, когда есть чтение Писания, должна быть и проповедь, изъясняющая слово Божие. И сейчас мы слышим много призывов со стороны церковной иерархии, со стороны разумных и образованных церковных людей, требующих восстановления литургической нормы нашей церковной жизни. А такой нормой является как раз проповедь — причём сразу после чтения Писания, а не в конце службы. К сожалению, пока что это ещё не стало общепринятым и общепризнанным делом, и даже церковные каноны не вразумляют людей поступать так, как того требует церковная традиция. Но будем надеяться, что ещё при нашей с вами жизни эта проповедь зазвучит и обрадуется сердце каждого приходящего на церковную молитву человека.

«И весь состав мой будет напоен страданья светом...»

Интервью с О.А. Седаковой в память поэтессы Елены Шварц (17 мая 1948 – 11 марта 2010)

— Ольга Александровна, на своих творческих встречах, отвечая на вопрос о наиболее интересных, ведущих именах современной российской поэзии, Вы неизменно первым всегда называете имя Елены Шварц. Какие наиболее важные стороны ее творчества и наиболее яркие черты личности Елены Андреевны Шварц Вы бы отметили?

О.А. Седакова: У нее редкостный дар. Такой дар бывает только у самых больших поэтов; как будто что-то должно случиться, чтобы у человека оказался такой дар — его должно посетить нечто вроде шаровой молнии, небесного огня. Муза должна полюбить в младенчестве, как обычно рассказывают о великих поэтах. С первых же стихов, мне известных (но то же рассказывали и те, кто знал ее еще раньше, подростком: мы встретились года в 23–24), она заговорила своим голосом. У нее не было никакого периода ученичества, подражания. Сразу же свой голос — сильный и свободный, способный выразить множество оттенков. Гибкие интонации, такие живые, каких, может быть, в русской поэзии еще и не бывало.

Назову некоторые из ее собственно стихотворческих даров.

Ритмический дар — игра метрами, полиметрия. В 70-е никто о такой возможности освобождения метра не думал. Единственный, может быть, прецедент подобной метрики — Хлебников, за ним обзираться: свободные переходы от одной стиховой системы к другой по ходу стиха.

Образный дар. Удивительные образы, которые есть в любом ее тексте, даже и не очень удачном в целом. Она сравнивает черемуху, мятушущую на ветру, с «легким разгневанном болонок». Надо так увидеть! И хотя вряд ли кто-нибудь видел легион болонок, но это кажется неоспоримой правдой.

*Звуковой дар. Послушайте:
мы ведь — где мы? — в России,
где от боли чернеют кусты,
где глаза у святых лучезарно пусты...*

Л — Ч — Р — С — Т — Н пересыпаются, как в калейдоскопе, складываясь в разные слова.

Словарный дар. Ее словарь богат и многослоен. В нем изумительно играют архаизмы. В него легко проникают обыденные слова.

Одним словом, все дары, которые должны быть у поэта: образное видение, звуковая одаренность, богатый, точный, очень прочувствованный словарь. Но главное, это ее почти визионерская способность видеть вещи. В юности она называла свои стихи «сценарием для визионеров». Читатель повторяет движение ее образов, смену необычайных картин.

В своих эссе она предлагала видеть поэта как выразителя какой-то стихии. Она считала, что через каждого значительного поэта говорит какой-то элемент. Для меня несомненно, что ее стихия — огонь, огонь всех родов: огонь в печи, огонь свечной, огонь звездный, огонь-молния, наконец, пасхальный огонь. У нее есть стихи об этом пасхальном огне, как она хотела бы в нем раствориться. Пламя — ее родная стихия. Она, как саламандра, которая живет в огне. У человека с таким даром, я думаю, мучительная жизнь: этот огонь то вспыхивает, то гаснет, он покидает и возвращается. Пережить эти глухие безогненные промежутки трудно.

Ее поэзия всегда была тоской по какому-то другому миру. Ощущение замкнутости, тесноты этого мира — и желание вырваться из него, это с первых стихов. Как в моем любимом «Соловье спасающем». Соловей «голосовой иголкой» пыгается пробить щель, дырку в шаре ночи — туда, где пространства родные, где чудному дару будет привольно.

Соловей всегда — символ поэта, так что это, в каком-то смысле, автопортрет. Что же делает поэт? Он пробивает замкнутость, герметичность нашего мира, чтобы впустить другие пространства.

— Кто были ее учителя?

О.А. Седакова: Можно сказать: вся поэзия сразу (так современники говорили о Гойе, что его учителя — вся живопись сразу). Она очень много читала. Есть легенда о Лене Шварц — она сложилась еще в юности — человеке богемы, который устраивает скандалы, злоупотребляет алкоголем, совершает вызывающие поступки. И такое, конечно, бывало, но дело не в этом. Лена,

как ни удивительно, была очень старательным читателем, добросовестным учеником и — в результате — незаурядно образованным ученым человеком. Этого никакой пьяница, никакой житель богемы достичь не может, да и не хочет. Следы обширного чтения, в самых разных областях, видны в ее стихах. Она постоянно что-то изучала. Практически она сама изучила основные европейские языки, свободно читала по-английски, по-итальянски, по-французски, по-польски, на латыни. Она любила перечитывать Горация. Так что это никак не «наивная» поэзия, она возникла не на пустом месте, а на огромной культурной почве, не только русской, но мировой. Вот религиозность ее я бы назвала «наивной», здесь она никакой школы не проходила. Конкретного учителя среди поэтов у нее, видимо, не было. Самые близкие предшественники — Велимир Хлебников и Михаил Кузмин. Мы с удивлением обнаружили, что уже в юности обе что-то особенное полюбили в Кузмине, то, чего не было в других поэтах Серебряного века. Я думаю, что это прежде всего его ритмическая повадка, прихотливая игра ритма. Он ведь был музыкантом, и музыкальное мышление ему помогло. И его «кларизм», особая простота и изощренная небрежность. Лена читала Марину Цветаеву, но в их поэтике я не вижу общего. Среди поэтов ближайшего к нам поколения Бродскому она предпочитала его ровесника Леонида Аронсона, ленинградца, погибшего в 30 лет и написавшего несколько великих стихотворений. В этом предпочтении мы тоже сходились. Аронзон, в отличие от Бродского, поэт райской памяти, в его стихе есть та гармония, которая с древности почиталась царским путем поэзии. Ни райского, ни детского, ни царственного в стихе и мысли Бродского нет. Это его позиция — и такова природа его дарования.

Вообще же, у Лены было то, что теперь трудно представить, что, казалось, ушло навсегда с эпохой романтизма. У нее было что-то вроде религии поэзии, «парнасской веры». Для нее поэт — это был святой, пророк,

на миг вместилище мира боль и славу.

Поэзия, она верит, исполняет великое вселенское дело, это высокое спасительное призвание («Соловей спасающий»). Лена с этим чувством родилась и прожила всю жизнь и не хотела этого занятия (чуда возникновения нового соединения слов) чередовать ни с чем. Ее жизнь была посвящена поэзии, ожиданию вдохновения, «как будто светлого святого наводнения» («Времяпровождение»). Она нередко говорит о музе (и о музах вообще). Современные поэты о музе давно забыли и скорее всего, усмехнутся: что еще за муза? Какой-то условный персонаж из старых антологий. Для Лены это бесспорная реальность. Она свою музу описывала: у нее лисий шаг, это толстая дева с дорожной сумкой через плечо.

— Возвращаясь к разговору о религиозности поэзии. Человек творческий — это человек, жизнь и творчество которого часто связаны с поиском смысла жизни, Бога. Насколько я понимаю, духовная и творческая жизнь Елены Шварц всегда была очень напряженной, ищущей. Каким образом вера выражалась в ее жизни и творчестве?

О.А. Седакова: Она, видимо, родилась с этой тоской о Боге. В самых первых ее стихах уже появляются эти мотивы, ничем неподготовленные: ни домашним воспитанием, ни тем, чему в это время учили, что носилось в воздухе. Это ее тема — тоска о Боге, звывание к Богу — постоянная и изначально внеконфессиональная. Она не была связана ни с церковью, ни даже, может быть, с христианством. Это был тот смутный Бог, которого чувствует одаренная душа. И ей всегда хотелось держаться этого первоначального импульса. Она долго не хотела всерьез принимать православие, т.е. креститься, стать членом церкви. Она настаивала на своем уникальном опыте. Несомненно, она тяготела к христианству всегда. Особенно ей дорог был французский извод Христианства, она очень любила Франциска Ассизского. В православии ее больше всего привлекали юродивые и пустытники. Но и хасидские легенды были ее постоянным чтением. Ее интересовали и такие вещи, которые мне казались ненужными или даже вредными, какие-нибудь мистические, натурфилософские, оккультные доктрины.

У нее много чисто религиозных стихов на библейские и вообще «духовные» темы: «Моисей и куст, в котором явился Бог», «Простые стихи для себя и для Бога», «Единорог». Это, как я говорила, ее постоянная тема — и жизненная и поэтическая.

Жертвы требуют Бог.

То, как она у нее решается, конечно, не повернется никакой доктриной. Это все ее личный опыт. Иногда из него рождаются смыслы и образы, удивительные и в духовном отношении. Есть темы христианства, которые ей особенно близки и которые она особенно сильно умеет выразить. Это то, что она особенно любила: юродство, нищенство, таинственность и драгоценность мира, сотворенного мира: в каждой маленькой и невзрачной точке может скрываться нечто драгоценное, «храм Соломона». И все же, думаю, настоящим ее религиозным опытом было само творчество, само вдохновение, которое ее выносило и к христианским смыслам, и к ветхозаветному (особенно любимый ею герой — Моисей, о котором она много написала).

Религиозную жизнь она представляла себе в виде монастыря. И поэт, которого влечет в монастырь — но это жизнь не для него — сюжет ее «Вороны в монастыре». Мне кажется, мирянского христианства она просто не представляла.

— На юбилейном вечере в Воронеже Вы, отвечая на вопрос о значении музыки в Вашей жизни, обратились к утверждению, известному со времен античности и средневековья, о том, что настоящие Истина и Красота — нераздельные понятия. Как этот взгляд соотносится с творчеством Елены Шварц?

О.А. Седакова: Она обладала исключительной интуицией красоты, но сама, кажется, не слишком к себе это ценила. Ее привлекали темы трагические, разрывные, такие, где красота отступает перед болью. Это была ее тема. Мне даже немного жаль такого предпочтения. Когда она дает себе остановиться «просто» на красоте, например, когда пишет картину ночного неба или зарисовку куста, это просто изумительно. Но ее влекло к сюжетам острым и болезненным, драматичным, чрезвычайным, где красота остается на потом.

Она всегда говорила, что для нее важен театр. Она выросла в театральной семье. Ее мама, Дина Морисовна Шварц, была завлитом товстоноговского театра и, собственно говоря, вторым человеком в Большом драматическом — БДТ. Детство Лены проходило в театральном кругу, в известном ей с детства гастрольном быту. И театр остался для нее важнейшим переживанием. Неслучайно некоторые ее вещи поставлены на сцене: «Лавиния» в Питере, и во Франции. В ее циклах — ролевых (у нее есть стихи, написанные от лица «я» биографического, а есть ролевые: «Кинфия», «Лиса») — мы видим как бы маленький волшебный театр, может быть, и кукольный.

— Вы очень рано осознали трагическую ситуацию в тоталитарной стране, а для нее была ли такая реальность, трудно сказать?

О.А. Седакова: Она об этом думала меньше, чем я. Она была аполитична. Однажды во Флоренции, когда мы ночью сидели в кафе «Джуббо росс», «Красный жилет» (когда-то это было кафе итальянских футуристов), она сказала: «Если бы у меня были политические взгляды, они были бы близки “Красным бригадам”». Но у меня их нет». Для нее важны были исторические темы, в которых этот мотив — политического режима, идеологии — не так важен. Например, такое событие, как блокада Ленинграда, и вообще великие катастрофы: осада города, голодная смерть горожан — это могло случиться в разные времена и при разных режимах. Она любила историю и знала ее хорошо, думаю, куда лучше, чем я. Помню, когда мы встречались во Флоренции (на Дантовских чтениях), она рассказывала о каждом уголке города, особенно эпохи Ренессанса и начала двадцатого века. Так же она комментировала Париж, когда мы там бродили. И Франкфурт. Она была очень рабочей путешественницей — ей, как и всем нам, выросшим за железным занавесом, приходилось во плоти встретиться с европейские образы, которые давно были нам знакомы в деталях и любимы. Но при ее дотошном знании истории, я думаю, сама идея истории у нее была довольно сво-

Предоставлено Gruppello Verlag

образная: история как своего рода карнавал. Или ряд перевоплощений, метемпсихоз. Т.е. история оказывается не движением каких-то политических, социальных начал, а рядом воплощений каких-то архетипов... Универсальное для нее важнее, чем историческое.

— Ольга Александровна, Вы были на отпевании Елены Андреевны. Я знаю, что Вы не сразу решились на эту поездку. Что Вам открыла эта последняя встреча?

О.А. Седакова: Если можно так об этом сказать, я очень рада, что увидела ее. Слава Богу, что я решила поехать, потому что это оказалось облегчающим и обещающим прощанием. Я увидела Лену — в ее последнем облике — такой, какой в жизни ее не видела. Прежде всего, удивительно молодую — как в «Миньоне» Гете. «Теперь, состарясь от печали, хочу помолодеть навек». Нежное, юное, спокойное лицо. Все, что искажало ее лицо в последние годы, куда-то исчезло. Исчезла постоянная напряженность. Это было лицо нежной, юной девушки, даже подростка, который лежит, крепко зажмурившись и улыбаясь, как от неожиданной радости. Совершенно поразительно. Можно сказать: это было ее настоящее лицо — а можно сказать: ее новое лицо.

И, конечно, было радостно, что ее отпевали в храме, в Измайловском Соборе. Отпевал батюшка, который участвовал в ее крещении 13 лет назад. Он рассказывал про их общение в последние годы. Он был ее восхищенным читателем и часто заходил к ней, и они спорили по разным поводам (о церкви). Он говорил правдиво, но стилизуя Лену под примерную прихожанку, но с огромным почтением к ней как к поэту, с любовью и благодарностью. Говорил, что ее стихи несут божественную энергию, и рядом с этим все другое не казалось ему существенным. Я была так рада, что в церкви для Лены нашелся такой человек, такой пастырь. Ведь признаюсь, трудно надеяться, что это само собой разумеется: что встретится такой священник, которому будет понятна одинокая творческая жизнь, ее часто несусветные формы, совсем не похожие на традиционное благочестие. Священник, который чувствует божественное в «свободной», «светской» поэзии.

— За что мы можем благодарить Бога в том, что мы можем услышать в творчестве Елены Шварц?

О.А. Седакова: Нечасто мы можем услышать что-то безусловно прекрасное. Такое, как некоторые пассажи Моцарта — или фигуры фра Беато. За что можем благодарить? За то, что в такое пасмурное и глухое время она подарила нам эти яркие, горящие образы, которые полны силы. Они рождались вопреки окружающей темноте, мути, скуке, вопреки всему. В них реальность «иных пространств», чудных и вольных:

*А ведь Бог-то нас строил — алмазы
В костяные оправы вставлял.
А ведь Бог-то нас строил —
Как в снегу цикламены сажал,
И при этом Он весь трепетал,
и горел, и дрожал,
И так сделал, чтоб всё трепетало,
дрожало, гудело,
Как огонь и как кровь, распаясь,
в темноты летело...*

Вот такая красота. Я думаю, это огромный урок для наших поэтов, если бы они умели учиться.

Беседовала **Нина-Инна Ткаченко**